

— Чжияй! — радостно воскликнул Цзян Чуан.

— А-ах... — тихонько охнул Вэнь Цзюэ. Только тогда Цзян Чуан сообразил, как сильно сжал его ладонь.

— Прости, прости! Я просто заволновался, — поспешно извинился Цзян Чуан. Он бережно помог ему приподняться и опереться о спинку кровати, а когда собрался встать, Вэнь Цзюэ ухватился за край его одежды.

— Супруг? Ты уходишь? — Опустив взгляд, Цзян Чуан встретился с его тусклым, незрячим взглядом. На лице юноши отразилась крайняя тревога.

— Я принесу тебе воды, — сердце Цзян Чуана сжалось от нежности, он снова опустился на край постели и мягко взял его за руку. — Посмотри на себя, губы совсем пересохли.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Вэнь Цзюэ. — Спасибо за заботу.

— Я твой супруг, отныне мы одна семья. К чему эти любезности? — Цзян Чуан приподнял брови и улыбнулся.

Вэнь Цзюэ, казалось, не мог привыкнуть к столь разительной перемене в его поведении. Смущенный и немного встревоженный, он предпочел промолчать.

И это неудивительно, ведь поначалу Цзян Чуан яростно противился этому браку.

Он вернулся с победой, совершив немало военных подвигов, а в награду получил высочайший указ о женитьбе?

Подобный союз лишь со стороны казался великой честью. На деле же, брал ли ты в жены принцессу или связывал жизнь с принцем, это всегда было скрытой формой надзора со стороны императорской семьи, лишавшей человека реальной власти. Какая разница, принцесса это или принц?

Впрочем, брак с принцем сулил еще больше трудностей, чем с принцессой: чтобы ввести в дом наложницу и вписать ее в родословную книгу, требовалось согласие законного супруга. А если тот воспротивится, род Цзян Чуана попросту прервется.

Из-за этого указа даже самому Цзян Чуану пришлось поверить в слухи о том, что император опасается его растущего влияния.

Это было очевидное наказание под маской милости, и на душе у Цзян Чуана скребли кошки.

Всем было известно, что пятый принц — самый нелюбимый сын императора. За исключением красавицы-сестры, Старшей принцессы Чэнью, и смазливой личика, у него, по сути, не имелось ничего примечательного.

К тому же он был слепым калекой, о котором заговаривали лишь со вздохом сожаления. Какая благородная семья согласилась бы отдать за него дочь? Разве это не обрекло бы ее на вечные мучения?

Поэтому, когда Цзян Чуан впервые принял императорский указ, он не почувствовал и капли радости.

Лишь много позже все изменилось...

Однако нынешний Вэнь Цзюэ еще ничего об этом не знал, а Цзян Чуан не хотел ворошить прежние обиды.

В этой жизни он твердо решил обойти все расставленные ловушки и счастливо состариться бок о бок с Вэнь Цзюэ.

Он поднес чашку к губам Вэнь Цзюэ и бережно, глоток за глотком, напоил его. В этот момент в дверь негромко постучали – слуга принес свежесваренное лекарство.

— Войди, — распорядился Цзян Чуан.

Слуга бесшумно приоткрыл дверь. Вэнь Цзюэ молча пил воду, придерживая чашку снизу ладонью, словно боялся выронить ее.

Когда слуга удалился, Вэнь Цзюэ негромко произнес:

— Спасибо.

— Пора принять лекарство, — Цзян Чуан принес пиалу с отваром. — Выпьешь его и поспишь еще немного. Часа через четыре нам нужно будет возвращаться во дворец.

Не дожидаясь ответа, он нежно спросил:

— Тело... сильно болит?

Вэнь Цзюэ кивнул:

— Очень...

— Сначала мне было очень страшно, а потом... — с этими словами он опустил веки, пряча незрячие глаза, а мочки его ушей порозовели. — ...сейчас осталась лишь боль. А как чувствует себя супруг?

Тут и спрашивать нечего! Разумеется... это было восхитительно!

Просто невероятно!

Куда лучше любого вина и изысканных яств!

Собственно, именно по этой причине в прошлой жизни он так быстро привязался к Вэнь Цзюэ и со временем влюбился в него без памяти.

После свадьбы у них был период, когда они души друг в друге не чаяли.

— Мне было очень хорошо. Мне безумно понравилось, — предельно искренне ответил Цзян Чуан.

— Тогда... пусть мне будет больно, — на губах Вэнь Цзюэ расцвела улыбка, и он вкрадчиво, словно завлекая его, прошептал: — ...Даже если станет еще больнее – ничего страшного...

Он вспомнил, как во время их совместного бегства в прошлой жизни Вэнь Цзюэ сильно повредил ногу, и генералу пришлось вырезать загнившую плоть. Рана была небольшой, но юноша так побледнел от мучений, что прокусил губу до крови.

Он вспомнил, как Вэнь Цзюэ, не переставая плакать, тихо произнёс: «Очень больно». Даже привыкший к ранам Цзян Чуан будто сам почувствовал его боль.

«Если снова будет больно, кусай мою руку. Себя не смей калечить», – ласково говорил он тогда, утирая его слезы.

«Надо же, так боишься боли? Эх, сейчас мы в бегах, обезболивающего снадобья нет, придётся тебе потерпеть». Цзян Чуан плотнее укутал его в свой плащ, защищая от ветра.

Вэнь Цзюэ сквозь слезы тянулся к его руке и хрипло умолял: «Поцелуй меня. Если великий генерал Цзян меня поцелует, боль уйдет».

Это была первая за три года их разлада дерзкая просьба Вэнь Цзюэ, нарушившая незримую черту.

В его памяти Вэнь Цзюэ всегда оставался мягким снаружи, но хитрым и расчетливым внутри, готовым ради своих целей на любые уловки и умело прикрывающим интриги маской невинного слепца.

Он редко позволял себе проявлять слабость и так открыто молить о ласке.

И тогда Цзян Чуан поцеловал его – точно так же, как сделал это сейчас.

Это было лёгкое, мимолётное прикосновение, но Цзян Чуан не сдержался и поцеловал уголок его рта – уж слишком соблазнительным было это ощущение.

Как и следовало ожидать, недавняя мягкая улыбка Вэнь Цзюэ застыла. Он словно окаменел и растерянно сжал пальцы в кулаки.

— Я никогда не заставляю тебя страдать, — Цзян Чуан легонько провёл пальцем по кончику его носа и улыбнулся.

Затем он склонился к самому его уху и шепнул несколько слов, отчего лицо Вэнь Цзюэ вспыхнуло еще ярче.

Вэнь Цзюэ тихонько кашлянул, стараясь скрыть смятение. Все развивалось слишком стремительно, ломая его привычные расчеты.

Необычайная пылкость Цзян Чуана разительно отличалась от его бывшего холодного отторжения. Казалось, перед ним совсем другой человек.

Придушив рождающиеся сомнения, Вэнь Цзюэ ничем не выдал своего замешательства.

Цзян Чуан, продолжая поить его лекарством, неожиданно произнес:

— В мою чашу с вином хэцзинь точно подсыпали зелье! Этот негодяй хотел, чтобы я лишил тебя чувств и мы пропустили церемонию благодарности. Тогда на нас пало бы обвинение в пренебрежении волей императора! А если бы я в безумии покалечил или вовсе... погубил тебя, он убил бы двух зайцев одним выстрелом!

— Клянусь всеми богами, — яростно добавил Цзян Чуан, — если я узнаю, кто посмел меня так подставить, лично спущу с него шкуру и повыдергиваю все жилы!

Вэнь Цзюэ весь подобрался, не проронив ни звука. Отвар больше не лез ему в горло.

Цзян Чуан поспешил успокоить его, смягчив тон:

— Не бойся, я уже приказал отнести чаши нашему лекарю на осмотр. А еще велел взять под стражу и допросить слугу, который отвечал за вино, и незаметно обыскать резиденцию на предмет подозрительных порошков. Раз это злодеяние совершено, следы обязательно найдутся!

— И как только я во всем разберусь, этот мерзавец будет ползать перед тобой на коленях, вымаливая прощение.

Вэнь Цзюэ вздрогнул. Наощупь найдя руку Цзян Чуана, он покачал головой:

— Пожалуй... не стоит этого делать.

— Это еще почему?! — искренне удивился Цзян Чуан. В прошлой жизни он знатно натерпелся из-за этого заговора! Как он мог теперь спустить все на тормозах?

— Слуги, которых я привёз из дворца, далеко не все преданы мне, — тихо ответил Вэнь Цзюэ. — ...Подобное расследование встревожит кое-кого во дворце. Боюсь, это... вызовет их недовольство. Да и слухи поползут нехорошие: мол, не успели сыграть свадьбу, как уже ищем повод для ссоры. К тому же этот брак даровал сам отец-император.

— Я верю, что государь справедлив. Быть может, мне стоит доложить ему лично? Он непременно отнесется со всей строгостью к заговорщикам и поймет нас! — Уязвленная гордость генерала все еще не позволяла отступить.

— Ни в коем случае! — отрезал Вэнь Цзюэ. Осознав, что его голос прозвучал излишне резко, он поспешил договорить помягче: — ...Отец-император... скорее всего, и так обо всем догадывается. Просто государь вмешивается лишь тогда, когда сам того пожелает.

Вэнь Цзюэ не видел лица собеседника и не мог знать, о чем тот думает. Он лишь горько улыбнулся:

— В конце концов, мы ничего не потеряли, а коварный план негодяя провалился. Быть может, это даже к лучшему. Ведь то, какой ты сейчас со мной... дарит мне огромную радость.

Он и не подозревал, что лицо Цзян Чуана в этот момент выражало крайнее недоумение. В прошлой жизни Чжиянь никогда не спускал обидчикам подобные выходки, а его кротость и покорность были не более чем маской.

На самом деле он напоминал притаившуюся ядовитую змею, готовую при удобном случае намертво вцепиться в горло врага.

Разве мог он так просто простить того, кто его подставил? Если только... он сам тайно не приложил к этому руку.

Не дождавшись ответа, Вэнь Цзюэ взволнованно позвал:

— Супруг?

— Хорошо, будь по-твоему, — улыбнулся Цзян Чуан. — Мой супруг для меня закон, как скажешь, так и сделаем.

Что поделать, если у благоверного слишком много тайн? Остается лишь потакать ему. Все его

изошренные планы строились ради заветного престола и... места в сердце самого Цзян Чуана.

Но разве это имело значение? Познав смерть, Цзян Чуан наконец разглядел истинные лица тех, кто его окружал, и тех, кому он преданно служил.

В этой жизни он без колебаний выберет Вэнь Цзюэ и пройдет с ним весь путь до конца.

Вэнь Цзюэ наконец облегченно вздохнул.

<http://bllate.org/book/20326/2029315>